

Круглый стол
СУЖДЕНО ЛИ XXI ВЕКУ
СТАТЬ ВЕКОМ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ?

Зал Ученого совета, 22 мая 2003 года

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
- В. П. ЛУКЪЯНИН** писатель, литературный критик, сопредседатель Союза российских писателей, кандидат философских наук
- Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ** заведующий кафедрой социологии Гуманитарного университета Екатеринбурга, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- А. Н. САМАРИН** старший научный сотрудник Центра конфликтологии ИС РАН, доцент кафедры философии МГИМО, кандидат философских наук
- В. В. ЛАЗАРЕВ** постоянный представитель Государственной Думы в Конституционном суде Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Г. Г. СИЛЛАСТЕ** заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, эксперт комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального собрания РФ, президент международной ассоциации «Женщины и развитие»
- Ч. Б. ДАЛЕЦКИЙ** профессор Московского гуманитарного института им. Е. Р. Дашковой, доктор философских наук
- М. Н. БЕРУЛАВА** директор Научно-образовательного центра РАО (г. Сочи), доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
- Е. Б. ПОКАНИНОВА** Государственный советник Президента Республики Калмыкия по международному, региональному сотрудничеству и связям с общественностью, кандидат социологических наук
- В. М. СЫРЫХ** заведующий отделом теории права, государства и судебной власти Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор
- Ю. В. СЕНЬКО** заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО
- О. Ф. РУСАКОВА** заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург)
- А. К. КУСАИНОВ** президент Казахской академии образования им. И. Алтынсарина, доктор педагогических наук
- М. Ш. БОНФЕЛЬД** заведующий кафедрой теории и истории музыки Вологодского государственного педагогического университета, доктор искусствоведения, профессор
- Ю. А. ВЕСЕЛОВ** ректор Международного института трудовых и социальных отношений республики Беларусь, профессор (г. Минск)
- Е. А. БАЛАЛЫКИНА** заведующая кафедрой современного русского языка Казанского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Татарстан
- Л. И. ЛАЗАРЕВ** главный редактор журнала «Вопросы литературы»
- В. А. МАРТЫНОВ** академик РАН

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— Уважаемые коллеги! Вначале я думал, что это дело очень простое — сесть за стол и обменяться мнениями.

Однако те сообщения, которые делались сегодня утром на пленарном заседании, показали, сколь различными могут быть точки зрения по поводу наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева и всего, что косвенно связано с этим именем и этой личностью. Безусловно, все сходятся в единой оценке великой роли этого человека в нашей культуре. Но в остальном мнения расходятся, поэтому я не предвижу абсолютного согласия за нашим круглым столом. Тем не менее, я рад, что нашла возможность собраться такой интересной компанией: я имею в виду и сидящих за этим столом, и всех, кто присутствует в зале, в том числе студентов.

Вопросы, о которых пойдет сегодня речь, касаются самых разных сторон мировой культуры: это проблема глобализации и сохранения национальных культур, вопрос о мировоззренческом кризисе современной цивилизации, путях его преодоления. Также будут обсуждаться проекты будущего в русской гуманитарной мысли, отечественной культуре, гуманитарные критерии целесообразности реформ, проблема свободы и ответственности в контексте отечественного духовного опыта. Однако по ходу обсуждения могут возникать и другие проблемы, а также самые разные подходы к их решению.

Начнем с вопроса о глобализации. Этой темы в своем интересном выступлении на пленарном заседании коснулся Виталий Григорьевич Костомаров. Наверное, данное явление практически неизбежно, но так же как рынок принес не только много хорошего, но и много неприятного, так и я, например, предвижу массу неприятностей от глобализации как в экономике, так и в культуре.

Поговорим немного об экономике, скажем, наших ближайших соседей. Финляндия, без сомнения, северная страна. О России в целом такого сказать нельзя, хотя часть нашей страны располагается еще севернее. Наблюдается такой парадокс: среднегодовая температура в Финляндии выше нуля, а у нас — ниже нуля. Что это значит? Это значит, что в других странах, прежде чем начать тратить энергию на производство, нагревают окружающую среду. Казалось бы, такая проза, но за этим фактом очень многое стоит. Россия не может выпускать конкурентоспособный продукт, потому что в цену этого продукта будет включена стоимость отопления. И, соответственно, если мы говорим о глобализации экономики, то никогда

капиталист не будет вкладывать в обычное производство в России хоть сколько-нибудь значимых денег — ему это не выгодно.

В Таиланде, если надо, ставят кондиционеры, чтобы было прохладнее, а если нет, то и так люди работают: на это не тратят огромных средств. Это просто частный пример, правда, не из той области, которой мы сейчас собираемся заниматься, однако он показывает, что глобализация несет не только очевидные преимущества. Мы же будем говорить о проблеме глобализации и сохранения национальных культур.

В. П. ЛУКЬЯНИН:

— В последние годы мне приходится много работать в историко-публицистическом жанре. Одна из предпринятых работ заставила меня основательно познакомиться с историей строительства железных дорог в России, а железные дороги — инфраструктура экономики. И вот какое замечательное суждение мне встретилось. С. Ю. Витте, строивший, как известно, Транссибирскую магистраль, как-то сказал, что он строит не железную дорогу, а Россию. Это очень глубокая мысль. Суть ее в том, что строить железные дороги в России, принимая в расчет немеренные пространства и слаборазвитую промышленность, было экономически невыгодно. Казна тратила на это огромные деньги, заранее зная, что значительную их часть просто разворуют, но и те затраты, что пойдут на дело, никогда не окупятся. Да никто и не знал, сколько денег нужно реально потратить, чтобы получить желаемый результат. Характерная в этом отношении история произошла с известным железнодорожным магнатом Петром Ионовичем Губониным. Уж он-то знал, как делаются деньги, уж он-то умел свою выгоду не упустить. И взялся за строительство Уральской горнозаводской дороги (в 1874–1878 гг.), рассчитывая получить на этом деле хороший куш. А в результате потерял на этом подряде 5 миллионов рублей из собственных капиталов и умер, обремененный большими долгами.

Лучшие государственные умы России в прошлом понимали (а нынешние, по-моему, перестали понимать), что жизнь общества не может строиться на голом экономическом прагматизме. То, что не окупается экономически, может стократ окупиться социально и политически. Эта истина верна для любой страны, но особенно важна она для России, где из-за холодного климата и труднопроходимых расстояний все обходится намного дороже, чем в экономически благополучных

странах. Жить по законам рынка на российской земле означает пытаться в огромной и холодной квартире обустроить для себя теплый уголок. Нам часто говорят: слишком большую долю заработанного отнимает у нас государство в виде налогов. В других странах то, что человек зарабатывает, он берет себе, а государству платит только небольшие налоги. Но вся штука в том, что мы вынуждены платить за право жить в этой стране, и это очень важный момент. Был в нашей истории мыслитель, который, по моим наблюдениям, как экономист почти забыт, хотя лучше его Россию никто не знал. Это Дмитрий Иванович Менделеев. Я разговаривал с разными властью имущими людьми и всякий раз сталкивался с тем, что Менделеев ассоциируется у них только с Периодической системой элементов, а о его экономических исследованиях они даже не слышали. Не зная Менделеева и пытаться управлять народным хозяйством России — это кажется мне проявлением невежества.

Видимо, для того чтобы жить на этой земле, нам надо лучше знать, что такое Россия, и зачем нам надо жить именно в ней. Поодиночке спастись легче, поодиночке солдаты выходят из окружения. Более или менее предприимчивые российские люди уже либо совсем переехали на Запад, либо создали там себе запасные посадочные площадки. Так что же, здесь остаются одни неудачники? Но ведь многие из нас принципиально никуда не хотят ехать, потому что хотят жить в своей стране, пусть здесь дорого и неудобно. Экономисты-рыночники говорят: капитал перетекает туда, где ему лучше. Но человеку — за малым и не очень симпатичным исключением — лучше все-таки дома. Почему? Ответа на этот вопрос нет в современных экономических теориях, а между тем в нем — ключ к решению задачи преодоления нынешнего российского кризиса.

Зачем мы хотим жить в своей стране, почему не собираемся уезжать — это вопрос, на который сегодня нигде нет толкового ответа.

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— Спасибо, Валентин Петрович. Во время Вашего выступления у меня возникли неожиданные мысли. Вспомнилось, что Россия очень много давала другим странам и в этом смысле была великой империей. Но сравним ее, скажем, с Британской империей, которая выкачала огромное количество денег из своих колоний, с Америкой, в которую было ввезено сто миллионов рабов. Я напомним, что рабство в Америке было

отменено примерно годом позже того, как в России было отменено крепостное право, а рабство и крепостное право — все-таки разные вещи.

Четыре недели назад я был в Германии. Иду по Кельну, вижу — какая-то гимназия старая, мемориальные доски на ней висят. Читаю: «Святой московский доктор» — «Der heilige Doktor for Moskau», доктор Хасс. Его здесь называют «доктор Хасс», а не Иван Иванович Газа. Там было сказано о том, что он приехал молодым в Россию, был известным врачом тюремных больниц, здесь умер в глубокой нищете, раздав все свое имущество. Там же был написан его девиз, его основное высказывание: «Beeile sich, das Gute zu machen» — «Спешите делать добро». На одной из дискуссий, проходившей в стенах этого же университета, Жорес Иванович Алферов говорил о том, что в России остались одни оптимисты, потому что все пессимисты уже уехали. Видите, как много можно добавить к тому, что Вы сказали. Предоставляю слово Гарольду Ефимовичу Зборовскому.

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ:

— Мы говорим о России, о поиске путей ее развития. Процесс глобализации, по сути дела, сегодня происходит независимо от нас. Глобализация — это сближение стран, экономик, политическое сближение и, наконец, это сближение культур. Иногда происходит навязывание определенных путей, определенных линий в глобализации, а то, что навязывается, принимать нельзя. Хотя какие-то позитивные моменты глобализации отвергать не стоит.

Я думаю, что из всех аспектов глобализации — экономических, политических, социальных и культурных — пожалуй, наибольшую сложность представляют проблемы сохранения национальных культур. Здесь, мне кажется, меньше ясности, чем в других вопросах, поэтому больше остроты. То, что произошло в Ираке в связи с войной — разграбление культурных ценностей — лишнее раз доказывает, насколько мировое сообщество, и в том числе Россия, должно быть заинтересовано в решении этой проблемы. Вопрос заключается в том, что мы можем предложить для того, чтобы процессы глобализации осуществлялись с нашим участием, а не проходили независимо от нас.

Мы живем в этой стране, но мы живем еще и в мировом сообществе и не должны забывать об этом. Принимая его таким, какое оно есть, споря с ним, включаясь в него,

нужно стараться сохранить свою самобытность. Поиск некоего баланса мне представляется самой сложной проблемой.

В. П. ЛУКЬЯНИН:

— Маленькую реплику, если позволите. Вы говорите о некоей неотвратимости процесса глобализации. А вот в мадридском метро постоянно звучит только испанская музыка, и я ни разу не слышал никаких американских мелодий. Они любят свою музыку. Это значит — ничего необратимого нет, просто надо уважать себя и вести себя по-своему. Речь идет о том, что надо все-таки использовать то лучшее, что накоплено сегодня мировыми культурами, но сохранять при этом свое лицо.

Надо сохранять национально-этническую идентичность, мораль, религию, историю, историческую традицию. Но если защитники культуры не наступают на цивилизацию, понимая ее, в общем, прогрессивную роль, то защитники глобализации наступают на культуру, потому что их заставляет это делать сама идея унификации. Они будто говорят: «Это вредно, это не нужно, отбросьте вы этническую идентичность, она мешает религии, мешает традиции». С этим, мне кажется, надо бороться, причем, конечно, не насильственными методами, а просветительскими. Закончу фразой из американской литературы: «Что такое сегодня американский университет, физфак американского университета? Это место, где российские академики обучают китайских студентов для работы в американских академиях».

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— Я полностью согласен с тем, что только что сказал Гарольд Ефимович. Не так давно мне попала статья видного американского журналиста. Говоря о глобализации, он привел в пример ситуацию с морскими перевозками и пояснил понятие глобализации так: это когда российский танкер, построенный в Голландии, под панамским флагом с украинской командой везет нефть из Арабских Эмиратов в Испанию за доллары США. Действительно, процессы унификации в области техники, в других областях неотвратимы, но это унификация в области цивилизации, а не культуры.

Но есть и другое соображение — может ли быть так, чтобы экономически сильная страна отказалась от навязывания своей культуры странам менее развитым силовыми, жесткими методами? Я таких примеров не знаю, кроме, пожалуй, России.

А. Н. САМАРИН:

— Как все другие, я вижу много положительного в процессах глобализации, особенно в технических аспектах. Все мы выступаем за расширение международного сотрудничества и максимальное межнациональное сближение при сохранении своей самостоятельности, самобытности и так далее. Но именно возможности сберечь свою самостоятельность господствующий глобализаторский подход нам как раз и не оставляет. Вот почему благостная, либерально-прогрессивистская (или технократическая) трактовка глобализации в последнее время отходит на задний план, уступая место более реалистичной оценке. И время панегириков глобализму по той же причине неотвратимо уходит в прошлое. Сегодня все больше вспоминают про Югославию и Ирак, и правильно делают, что вспоминают. Оказалось, к понятию глобализации стоит отнестись несколько иначе, чем это делали еще совсем недавно. Оно таит в себе много коннотаций, в том числе неприятных, и одно из главных значений придумано не мною, оно содержится во множестве западных источников. В соответствии с ними основной смысл нынешних глобальных процессов усматривается в ликвидации национальных государств, которая должна протекать при неукоснительном сохранении мощи западных политических и экономических центров. (Наиболее прямолинейны заокеанские теоретики, согласно которым любые суверенитеты должны быть упразднены, кроме американского.) Отсюда-де утрачивают теперь всякое значение международное право и национальный контроль над соответствующими ресурсами и т. д.

На практике все это очень сильно напоминает некий рецидив имперского мышления, попытку создания новой, невероятной мировой империи под эгидой единственной сверхдержавы. И тот факт, что еще используются при этом инструменты и дипломатические, и политические, и культурные, не оставляет сомнения в том, что главным аргументом стали вновь пушки. В случае развития подобной тенденции единственным сувереном, контролирующим планетарные ресурсы, осталась бы транснациональная (на практике — американская) олигархия.

Мы располагаем некоторой весьма тревожной информацией. За последний год появились десятки документов, в которых и наши, и зарубежные государственные деятели говорят о возможности расчленения России на 10–15 частей. Там говорится о том, что американские вооруженные силы готовы оперировать на пространстве Российской

Федерации и в прилегающих к ней районах. Мы действительно видим, что они размещаются по всему периметру нашей страны; видим, что даже наиболее боееспособные части из Ирака направились не куда-нибудь, а к нашим границам. На фоне всего того, что происходит, оправданно нарастает ощущение тревоги. Русский писатель и долголетний обитатель ГУЛАГа В. Волков сказал, умирая, что, конечно, он не может любить советскую власть, но при ней он был спокоен за Россию — она была не по зубам никакому врагу, ее спасение было гарантировано. А теперь, при демократии, он умирает в тоске и страхе — выживет ли страна при этой власти.

Когда сегодня вновь оживает имя Сталина, вспоминают вовсе не тоталитаризм, как это было раньше. Сталинское время теперь не без оснований ассоциируют с укреплением державной мощи, не только гарантирующей национально-государственное выживание, но избавляющей страну от всяких поползновений со стороны потенциальных колонизаторов. Растущую ностальгию по сталинизму вопреки всем благим пожеланиям усиливают реально убогие результаты современных квазиреформ: страна деградирована, из нее высасываются все ресурсы, и она находится на грани обвала. А в это время сами реформаторы, прекрасно отдавая себе отчет в происходящем, сеют пустые иллюзии, как скверные врачи у постели тяжелобольного. Хотя ясно, что их нынешний курс на расточение всего и вся — предельно пагубен для общества.

Это все равно что из человека начать выкачивать кровь, а потом сказать: «Ах, вы знаете, летальный исход был неизбежен, он сильно болел». Примерно то же я могу сказать и о лицемерии наших маловыдающихся государственных деятелей, которые, занимаясь исключительно распродажей не ими созданных ресурсов, авансом поставили крест на стране, а значит, на образовании, науке и даже жизни своих сограждан. Совершенно ясно, что все это им не нужно, потому что у них есть другие источники и перспективы существования. Их обустройство за рубежом достигло совершенно неприличных размеров. Скрывающиеся за этим очевидные политические установки и возможные их последствия меня тревожат больше всего. Эксперты дают еще не менее 10 лет на сохранение нашего государства. Устойчивость начнет теряться где-то лет через 5–7. В этих обстоятельствах и нынешнее образование, и науку, как и многое другое, надо оценивать по простым критериям: что они могут сделать для того, чтобы страна сохранилась.

Государство — единственный щит культуры, просуществовавшей тысячи лет, и народов, которые населяют нашу страну. Без государства продолжения российской истории не будет. И если оно разрушится, — я думаю, что нужно, к сожалению, быть готовым даже к этому, — придется сражаться за выживание нации. Культура находится в отступлении, и надо готовить позиции на будущее. Когда наша страна в 1941 году была на грани гибели, мы, к счастью, сумели сохранить на оккупированной немцами территории некие базы, элементы политической и информационной структуры, очаги сопротивления нашествию. И сегодня нам тоже надо отстаивать очаги культуры, сохранять обеспечивающую их инфраструктуру везде, где только можно. В этом случае мы будем иметь возможность (не гарантированную, правда) восстановиться даже после полного развала.

Подведем итог сказанному. Российские реформы выступают как раз наиболее «удавшейся» частью процесса глобализации по-американски, особо значительным компонентом этого мегапроекта, направленного на передел мировых ресурсов. Этот западный проект ярчайшим образом проявил себя в России: страна была расчленена по сговору части нашей элиты с западной, ресурсы ее подверглись разграблению, а население — вымиранию. Очень сходное «джентльменское» соглашение все тех же субъектов существует, с моей точки зрения, и по поводу дальнейшей судьбы остающейся целостной части Отечества. Надо сделать все, чтобы этот сговор не имел продолжения, подобного Беловежским актам, и чтобы нынешний российский образец не оказался идеальной моделью современного неокOLONIALИЗМА.

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— Пессимистическое высказывание. Еще один вопрос для последующего обсуждения: можно ли было себе представить, чтобы иракская война не началась после того, как было сказано: «Найдут инспекторы ядерное оружие — начнутся военные действия, а не найдут — будем искать что-нибудь другое, но война неизбежна». С позиции американской администрации, война была абсолютно необходима, а соответственно, и неизбежна.

В. В. ЛАЗАРЕВ:

— Я хотел бы обратить внимание коллег прежде всего на то, что в перечне тех весьма серьезных проблем, которые выдвинуты сегодня на обсуждение, ни одна не сформу-

лирована со знаком вопроса. Обратите внимание, как мудрый профессор Запесочский сформулировал тему нашего круглого стола, поставив в конце большой знак вопроса: «Суждено ли XXI веку стать веком гуманитарной культуры?» Если бы все остальные вопросы были сформулированы примерно в том же ключе, и мы бы обсуждали соответствующим образом, это было бы здорово.

В свое время Дижонская академия задавала вопрос: «Способствовало ли развитие наук и искусств улучшению нравов?», на что великий Руссо ответил: «Нет!» и получил премию Дижонской академии. С этой точки зрения позиция профессора Виталия Григорьевича Костомарова мне очень симпатична. Он отмечает: развитие цивилизации — это перемена окружающего мира для себя, под себя, а культура — это когда человек меняет себя для окружающего мира. И с этой точки зрения мы должны задаться вопросом: насколько развита наша культура, в какой степени XXI век повернут к той самой гуманитарной культуре, которая вынесена в заголовок темы круглого стола?

Встарь был мрак — и мудрых убивали,
Нынче — свет, а меньше ль палачей?

У Шиллера:

Пал Сократ от рук невежд суровых,
Пал Руссо... но от рабов Христовых,
За порыв создать из них людей!

Сколько сегодня пало от рук власти, и, может быть, не только от ее рук, сколько умных, приличных, честных людей погибает за порыв сделать из людей — людей! Как правильно выразился Фазиль Искандер, Дмитрий Сергеевич Лихачев — это источник гуманитарного оптимизма. Лично мне остается только завидовать такого рода оптимизму. Я, к сожалению, такого оптимизма не испытываю. Возможно, вследствие недостатков моего мировосприятия мне кажется, что мир все-таки порочен, и XXI век это обнажил, начавшись войнами. Приходится сомневаться вместе с Жан-Жаком Руссо: а способствует ли развитие тех наук и искусств, которые мы имеем, развитию гуманитарной культуры, улучшению нравов человеческих? Вседозволенность во имя доходности — сегодня это встречается сплошь и рядом. Мы перенимаем у цивилизованных стран путь вседозволенности. Николай Дмитриевич в прямом смысле сравнивает температуру у нас и в Финляндии, а я бы сравнивал градусы в части культуры. Академик Лихачев у поморов видел высшую степень культуры, поморы и финны — те, которые

были в составе нашей России, — во многом нас превосходят. Я был в финской студенческой, академической среде, и мне показалось, что они превосходят нас в области культуры, температура их культуры на градус выше, чем нашей. Я намеренно заостряю этот вопрос. Человек, который в свое время держал лук и стрелы, и человек, который сегодня держит палец на кнопке «Пуск», — они друг друга поняли бы прекрасно, это одно и то же явление. У нас вместо лука и стрел есть ракеты, но нет культуры, которая требовала бы от человека изменить себя. Я очень хочу быть опровергнутым в собственном пессимизме по отношению к начавшемуся веку.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ:

— Уважаемые коллеги, я думаю, что главной в проблеме глобализации много. Мне бы хотелось выделить три аспекта. Аспект первый — это ее корни. Не случайно сегодня так быстро идет этот процесс. Поэтому мой первый тезис: основой развития глобализации является конвергенция. Это та самая теория конвергенции, о которой мы с вами в 1970–80-е годы говорили как о теории совершенно неприемлемой, но тревожной, поскольку она имеет целью сближение идей. Сегодня надо признать, что она оказалась практически реализованной и взяла верх над нашей прошлой теорией. Пора подводить итоги: конвергенция первого этапа прошла успешно. На ее плечах, на основе ее завоеваний, по существу, мы вступили во второй этап. На втором этапе мы говорим уже не о конвергенции, не о сближении, не о борьбе идей, мы говорим теперь об абсолютно новом фундаменте. Борьба идей с конвергенции переключилась на проблемы теории, проблемы распространения теории глобализации. А ведь глобализация — это уже не идея, глобализация — это вопрос сближения институтов образования, культуры, гораздо более масштабный и динамичный, чем все, что прежде говорили о проблемах конвергенции. Мне думается, что многие уроки из этого противоборства двух идей по теории конвергенции мы еще не до конца усвоили. Второй тезис: глобализация — это, скорее, поглощение, а не сближение. По существу, ставится проблема тотального распространения определенного стандарта глобально приемлемой культуры. Но мне думается, что основной вектор этого движения направлен на примитивизацию национальных культур.

В основном, США выступают динамически действующим носителем глобализации. Но что за культура распространяется? Российская?

Славянская? Одухотворенное представление о культуре, которое мы годами, десятилетиями, столетиями пестовали? Я глубоко убеждена: российская культура по своему эквиваленту, по своему духу, силе никогда не будет стоять рядом с американской. Американская культура — это примитив, состоящий из множества не до конца оформившихся культур. Именно этот натиск примитива мы сегодня и вынуждены сдерживать. Если мы принимаем определенные культурные концепции глобализации, то где та стена, образно говоря словами В. Высоцкого, где те красные флажки, после которых мы уже больше не имеем права уступать распространению этой примитивной культуры? На настоящем этапе приходится с грустью признать, что мы проморгали этот момент. Сегодня примитивизм в российской культуре приобрел столь массовый, столь глобальный характер, что мы просто хватаемся за голову и говорим: «Боже мой!» Так где же, в конце концов, наша национальная российская культура?

И еще одна идея: культура — это проблема институтов. Россию отличали и всегда будут отличать два мощнейших института — это институт образования и институт культуры. Никогда в российской истории мы эти два института не разделяли, они для нас составляли единое целое. А по какой линии идет сегодня глобализация в области образования? По линии более утилитарного, прикладного, функционально узкого подхода к образованию. Тогда встает вопрос: где же духовность нашей культуры, если гуманитарные науки все больше и больше вытесняются за рамки стандартов образования? Третья мысль: глобализация — это проблема столкновения самой теории с традициями народа. Я считаю, что англичане дают нам блестящий пример, ведь им принадлежит высказывание о том, что люди, уважающие свои традиции, достойны величия.

В контексте распространения теории глобализации проблема сохранения национальных традиций никогда не будет заменена никакой другой теоретической посылкой. Одна из самых больших проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся, — как сохранить традиции нашей национальной российской культуры, образования и других сфер жизни.

И последнее — гедонизм. На сегодняшний день, я считаю, победила теория гедонизма живота, гедонизма кошелек. Все, что связано с приспособлением и наслаждением, исходящим от денег и того, что они могут дать, мы в России освоили. С этой точки зрения не было бы, пожалуй, преувеличением поста-

вить перед гуманитариями такую задачу: а как сформировать гедонизм духовный, удовольствие от духовной жизни, от истории, от знания своих народных традиций? Вот, пожалуй, на этом я и остановлюсь.

Ч. Б. ДАЛЕЦКИЙ:

— Мне кажется, происходит какая-то подмена понятий. Дело в том, что тема нашего разговора озаглавлена «Суждено ли XXI веку стать веком гуманитарной культуры?», а мы это большое понятие стали делить на маленькие, и таким образом произошло сужение понятий, особенно в отношении глобализации. А ведь мы рассуждаем о гуманитарной культуре, о культуре человеческой, тем более под эгидой известнейшей личности, человека с большой буквы — Дмитрия Сергеевича Лихачева. Еще в 1991 году он говорил о том, что нужно очень аккуратно воспринимать титульную нашу религию — православие, помнить, что в России есть представители и других вероисповеданий, и учитывать интересы этих людей. Так вот, о человеке. Сегодня не первый раз звучит тезис о том, что государство нуждается в укреплении. Во второй статье нашей Конституции записано, что целью развития нашего государства является человек, а мы все время в разговоре государство делаем целью. Когда-то этот институт был создан людьми только в интересах обеспечения безопасности и жизнедеятельности человека. К сожалению, мы возвращаемся к этому пониманию цели государства, причем, стремимся к достижению цели любыми средствами. И опять в качестве средства выступает человек. Если говорить о современном древе модернизации, то вот какая здесь наблюдается расстановка сил: в качестве ресурса, на сегодняшний день, берется государство, в качестве средства — человек, а в качестве цели — общество. Мы все говорим о социализме, о социализации, но стоит сопоставить такие понятия, как социализм и гуманизм, — и целью станет человек. Давайте рассматривать в качестве ресурса общество, в качестве средства — государство, и, таким образом, посредством использования этих ресурсов и средств мы сможем выйти на человека. И тогда мы дадим человеку надежду жить в обществе по справедливым законам государства. Что для этого нужно сделать? Безусловно, необходимо образование — знание того, что было, что есть и, может быть, подумывать о будущем. Как у Пушкина:

Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло.

Тут уместно вспомнить и другого нашего великого классика, Тургенева, и его произведение «Отцы и дети». Мне кажется, пора подумать о детях, об их будущем. Свое дитя я отдал учиться к Виталию Григорьевичу Костомарову, потому что у него есть чему поучиться. За своего ребенка я вроде бы спокоен. А вот как быть с другими? Что мы можем им дать, что мы можем для них сделать? Здесь появляется необходимость поговорить об этике, обратиться к Канту: а все ли мы делаем для того, чтобы воспитать высоко нравственных людей для будущего нашей страны? Кант, как никто другой, остро ставил проблему воспитания личности и предлагал рассматривать человека не только как средство, но и еще и как цель.

Мне глубоко импонирует позиция профессора данного Университета Аркадия Васильевича Соколова. Я прочитал его книгу «Феномен социально-культурной деятельности», в которой он сравнивает две парадигмы — греческую и римскую. Собственно говоря, она хорошо просматривается в истории. И надо сказать, что в кризисных ситуациях мы всегда почему-то обращаем внимание на римское устройство, и всегда римская система государства почему-то побеждает. А глядя ваясь в глубь веков с позиции более или менее благополучного общества, мы обращаем свои взоры на афинскую систему.

Но я не досказал свой тезис по поводу этики. Каким образом мы можем сформировать представление об этике, если на эту дисциплину в государственных образовательных стандартах не выделено ни одного часа? Культурологии отведено два часа, и то лекторы забирают все время на мировую художественную культуру, а на проблемы этики вообще не остается времени. Необходимо хотя бы декларативно, на уровне дидактических единиц выделить нравственную проблему. Иначе получается, что в научных кулуарах мы о ней говорим, но, когда дело доходит до наших детей, о ней даже и не вспоминаем.

М. Н. БЕРУЛАВА:

— Дорогие коллеги, я еще раз хотел напомнить, что самое славное для развития человека — это наличие у него жизненной цели и мотивации саморазвития. Но при этом развитие общества определяется не уровнем технического и технологического прогресса, а, прежде всего, его идеями и духовными ориентирами. Тысячелетиями общественные идеи опережали действительность. А сегодня отсутствует идея, которая бы объедини-

ла наше общество, я имею в виду не только нашу страну — Россию, но и мировое сообщество.

Е. Б. ПОКАНИНОВА:

— Уважаемые участники круглого стола, имя Дмитрия Сергеевича Лихачева очень дорого для калмыцкого народа, представителем которого я являюсь на сегодняшнем собрании. Думаю, что под этим заявлением подпишутся все малочисленные народы. Дмитрий Сергеевич говорил, что судьба человека и судьба нации едины. Мы прекрасно знаем, что он имел в виду: конечно, и свою ссылку, и незаконное выселение малочисленных народов во времена сталинского геноцида. Именно Дмитрию Сергеевичу принадлежит проект «Декларация прав культуры», легший в основу всех документов Президента Республики Калмыкия К. Н. Илюмжинова. В этом проекте лейтмотивом звучит мысль о том, что утрата любого элемента национальной культуры всем нам грозит трагедией. На совещании Совета Европы в Страсбурге ко мне подошли эксперты и говорят: «Вы знаете, что мы прогнозируем при таких темпах деэтнизации через 40–50 лет исчезновение всех малых народов России с этнической карты мира? Мы также предполагаем, что Хартия национальных меньшинств будет распространяться и на малые народы России».

По своему этническому составу Камлыкия — многонациональная республика, население которой составляет более 300 тыс. человек. Основными этносами в республике являются калмыки (чуть больше половины населения) и русские — 37%. Остальная доля приходится на другие национальности: даргинцы, чеченцы, казахи, украинцы, белорусы, немцы, эстонцы, корейцы и т. д. Всего же на территории республики проживает свыше 90 национальностей. Калмыкия не только многонациональна, но известна еще и как одна из самых мирных, спокойных и веротерпимых республик Российской Федерации.

Очень тревожит вопрос о сохранении национальной культуры, я имею в виду Россию в целом. Может быть, прежде чем простираться за моря и океаны, сначала хорошо узнаем друг друга?

Дмитрий Сергеевич писал, что у России особый исторический путь развития, это держава, которая соединила в себе более 300 народов, больших и малых. Если говорить о моем родном калмыцком языке, то он находится на грани исчезновения. Наше молодое поколение не знает родного языка, потому что для этого есть определенные причины, обстоятельства, и очень трудно язык

возрождать заново. Но главная проблема сегодня в том, чтобы выстроить в республике на перспективу такую систему образования, которая удовлетворяла бы этнокультурные, этнообразовательные потребности учащихся; давала бы возможность личности вступить в диалог с инокультурным окружением; обеспечивала бы ее включенность в современные общецивилизационные процессы, тем более что Калмыкия принадлежит одновременно и Западу, и Востоку, европейской и азиатской цивилизациям, представляя собой их весьма своеобразный синтез.

И если мы в ближайшее время, посредством объединения общественности и государственных структур, не примем экстренные меры, вполне возможно, что эксперты Совета Европы, сидящие в далеком Страсбурге, окажутся правы. Хочу закончить мыслью выдающегося представителя калмыцкой национальной интеллигенции XX века, одного из основателей евразийского движения в среде российской послереволюционной эмиграции доктора Эрнджена Хара-Давана, о красоте многонациональной страны. Он писал: «Чем из более разнообразных цветов и запахов будет составлен букет, тем он пышнее и ароматнее».

В. М. СЫРЫХ:

— Чудакова Мариэтта Омаровна, будучи филологом, как историк показала себя некомпетентным специалистом, пытающимся судить об истории российского государства в советском государстве.

Она собрала воедино самые разрозненные факты, хотя общеизвестно, что таким образом можно оправдать любой тезис. Но ведь историк судит не на основании фактов, а на основании логики развития процесса, который он пытается анализировать и исследовать. Все-таки советское государство, конечно, имело в себе большие минусы, и я этого не отрицаю, но при всех минусах оно было ведущим государством мирового масштаба. По крайней мере, при советском государстве Америка вела себя довольно-таки тихо, спокойно, и не демонстрировала миру тех реакций, которые проявляет сегодня. Был конфликт на уровне Кубы, и на уровне Кубы дело и закончилось, как говорится, по принципам индусского права, путем соглашения и мирового развития: мы убрали ракеты, и Америка перестала шуметь. Путь развития советского государства не был тупиковым. Конечно, имелись определенные негативные моменты — период сталинских репрессий, например. Но после сталинского периода мы все-таки признали более или менее права

человека. Все, сидящие здесь, выросли в условиях советского государства. Мы, будучи нуворишами, получили высшее образование, послевузовское образование, стали докторами, профессорами. Что же, государство нас как-то насильовало, мешало нам? Это большое благо, что я, сын крестьянина, стал профессором. Если бы дело происходило во времена царской России, то я бы так и пахал, и ничего другого у меня бы не было.

Советское государство из необразованной России сделало Россию грамотную. Более того, оно допустило к пониманию культуры и ее высших ценностей простых людей.

Советское государство, в котором мы выросли как специалисты в области юриспруденции, культуры, языкознания, философии, социологии и так далее, дало нам возможность получить образование. И если мы теперь отрицаем этот путь, то тем самым действуем по принципу Даниэля Дефо и его книги «Путешествие Гулливера», которая написана для детей, но содержит много «взрослых» мыслей.

Если говорить о современной культуре, то сегодня образование есть необходимое условие для того, чтобы человек, родившийся в условиях современной России, мог себя проявить как личность, реализовать часть вторую Конституции. И это не прихоть, не частное дело человека, а дело всего общества. Потому что политика, экономика, культура — эти реалии нашего общества могут развиваться на должном уровне, только поддерживаемые образованными людьми. Поэтому принципом сегодняшнего общества и государства должно стать обеспечение высшего образования для каждого родившегося в России. Не важно, кем он будет — экономистом, технологом, юристом, — он должен иметь представление об устройстве современного общества и иметь возможность реализовать свои способности в этом обществе. Вот это и есть высшая цель государства. А можем ли мы сегодня говорить о том, что в Российской Федерации эту цель в должной мере осознают? Опонируя Мариэтте Омаровне Чудаковой, я скажу, что государство пытается под всеми предложениями уйти от решения проблем образования. Пусть органы муниципального образования курируют школы, платят педагогам деньги, а государство уходит от вопросов финансирования сферы образования с помощью принципов ЕГЭ, ГИФО.

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— И ЕГЭ, и ГИФО родились на американской почве, мы опять возвращаемся к проблеме глобализации и сохранения традиций.

Ю. В. СЕНЬКО:

— Для меня вопрос, который вынесен в тематику нашего круглого стола, трансформируется в другой вопрос — о соотношении цивилизации и культуры. Об этом как раз говорил Костомаров. Если я правильно уловил основную его идею, то она заключается в том, что, говоря о различии этих понятий, можно определить культуру как связь людей, а цивилизацию — как силу вещей.

Культура создает точки необратимости, которые не позволяют человеку вернуться назад, к варварству, в отличие от цивилизации. В своей приветственной телеграмме, обращенной к нашему собранию, президент РАН Юрий Осипов говорил о том, что, к сожалению, XX век передал XXI эстафету технических, экологических, демографических и прочих проблем. И это, наверное, правда. Вместе с тем, эти проблемы возникли не сами по себе, в центре стоит проблема антропологическая, катастрофа человека. А катастрофа связана с дефицитом гуманитарной составляющей, в том числе образования. Не случайно появление самых различных гуманитарных фондов, гуманитарной помощи. А то, что произошло недавно в Ираке, назвали гуманитарной интервенцией, — даже такие появились термины. Я думаю, что в итоге, отвечая на вопрос: «Суждено ли XXI веку стать веком гуманитарной культуры?», я бы все-таки ответил положительно, более того, я думаю, что он обречен на гуманитаризацию. Это неизбежная тенденция. Это не означает, что все мы будем гуманитарны, то есть, обращены к человеку, доминируют, диалогичны, но такая тенденция все-таки просвечивается. Залогом этого является, прежде всего, Дмитрий Сергеевич Лихачев и его труды.

Другим залогом можно назвать существование университета, в котором мы сейчас находимся, и подобных ему гуманитарных учреждений. Сама же по себе проблема соотношения культуры и цивилизации не нова. Ее развитие началось еще в античные времена, а в терминологии XX века это противостояние выражено как технократическое — гуманитарное. Это правда, сейчас имеет место засилье технократического мышления, потому что оно нагляднее, практичнее и удобнее.

Мне бы хотелось обозначить проблемы, которые видятся мне в связи с гуманитаризацией самого образовательного процесса. Образование я понимаю как способ становления человека в культуре. И вот с этих позиций одной из центральных проблем является соотношение свободы и ответствен-

ности. Не случайно Франкл в своей книге «Человек в поисках смысла» рассказывает о том, как он хотел обратиться к правительству Соединенных Штатов с предложением установить на западном побережье Статую Ответственности, в противоположность высющейся на восточном берегу Статуе Свободы, потому что именно в этих полях человек и существует как человек.

Поговорим о наших специфических образовательных проблемах. Традиционно трансляция социального опыта как составляющей культуры шла сначала от физического отца к сыну, потом от духовного отца, а затем эти отношения были заменены книжным словом. Сегодня ситуация меняется, от этого никуда не денешься. И слово книжное, с каким бы уважением к нему не относились, все-таки уступает место динамическому образу. Мы переходим от книжной культуры к культуре экранной. Поэтому возникает проблема: как не потерять для образования то, что нам дали книга и слово?

Один из рецидивов технократического подхода — это насыщение учебных планов предметами, которые изначально считались гуманитарными, однако мне кажется, что таких дисциплин в природе не существует. Помните, Мераб Мамардашвили задал вопрос: «А какие мысли являются не мыслями?», и ответил на этот вопрос очень точно: «А это такие мысли, о которых не помыслил тот, к кому они обращены». Если перевести эту идею на сегодняшний язык — а какие гуманитарные знания являются не гуманитарными? — я бы ответил на этот вопрос таким образом: а это такие знания, которые не обращены на самого себя. И если нет живого знания, оно остается чужим. Поэтому вопрос состоит не столько в том, какие дисциплины изучаются, сколько в том, как они изучаются.

В связи с этим возникает еще одна проблема, связанная с развитием и становлением гуманитарных основ образования — это проблема выстраивания самого образовательного процесса на гуманитарных основаниях. Такими гуманитарными основаниями, на мой взгляд, являются принципы доминантности — когда во главу угла ставится другой, — принцип диалогичности, понимания. Помните, в одном из немногих, к сожалению, фильмов о педагогике было сочинение на заданную тему: «Что такое счастье?» Ученик отвечает: «Счастье — это когда тебя понимают», а не когда объясняют. Вот это сугубо гуманитарный ход, не технократический. А когда объясняют — это большое несчастье.

О. Ф. РУСАКОВА:

— Недавно я была на Третьем Конгрессе политологов, там состоялся интересный разговор примерно на эту же тему. Позвольте, я выскажу свои позиции в отношении тех мнений, которые прозвучали. Сейчас наш разговор велся в том контексте, что глобализация закономерна, неизбежна, и надо найти инструменты, механизмы для того, чтобы она повернулась в сторону сохранения национальных культур. Прозвучали также пессимистические нотки, я заметила, что у многих есть некоторая тенденция пессимистически рассматривать будущее России, и это касается не только национальных меньшинств, но и самого русского народа. Например, Анатолий Уткин выступил с заявлением, что к 2050 году вообще не будет русского народа как такового, и самой страны России тоже не будет. Я все-таки отношусь к тем самым оптимистам, которые остались в России и не уехали. Хочу сказать, что наши дети определяют вектор развития глобализации с человеческим лицом, от них зависит, будут ли найдены пути устремления всех ее усилий, всех ресурсов не на процветание бездушной цивилизации, техники и вещей, а на торжество как раз того, что мы называем термином «культура». Это — делание человеком самого себя, это — общение, это — понимание. Наша молодежь, которая сейчас зреет, формируется, уже предлагает очень интересные альтернативы той, в общем-то бездушной американоцентристской модели глобализации, с которой мы с вами, здесь сидящие, не можем примириться. Речь идет о таком движении, которое, со слов преподавателя МГУ Александра Бузгарина, получило адекватное название — альтерглобализм. Будучи политологом, по роду своей деятельности я работаю с молодыми ребятами, студентами Уральского университета, которые создали Центр научного исследования альтерглобалистских движений. Я сейчас не буду останавливаться на том, какие создаются несуразные мифы, совершенно неадекватные тому, что представляет собой это движение. Общаясь с этими ребятами, я увидела именно в их поисках, а не в программных документах, ту модель глобализации, которая, думаю, примирит всех нас, сторонников человеческой цивилизованной культуры. Действительно, существуют разные модели глобализации, но альтерглобалисты предлагают модель, которую они называют термином «глокализация», то есть глобализация, учитывающая национально-культурные местные особенности. Эта молодежная сила сейчас зреет, но наши дети нуждаются

в консультации, в поддержке крупных ученых-интеллектуалов, прежде всего, интеллектуалов уровня Лихачева. Если мы захотим повернуть наш сегодняшний разговор в конструктивное русло, то, может быть, подумаем над тем, какая мировоззренческая база могла бы послужить основой для этого перспективного молодежного движения под названием «альтерглобализм». У них есть очень интересные лозунги, например «Создание сетевого гражданского общества». В этом обществе нет иерархии, начальников и подчиненных, это общество демократическое. У ребят есть тезис: «Глобализируйся снизу». Именно среди этой молодежи я нахожу союзников нашей стратегии формирования человеческого лица у того процесса, который неотвратим, и формирования новой, альтернативной модели глобализации.

А. К. КУСАИНОВ:

— У нас в Казахстане была прекрасная традиция: если в семье жили три поколения, то воспитанием детей всегда занимались дед с бабушкой. В последние 10 лет мы немного выпустили из внимания вопрос о воспитании, потому что были заняты каждый своими проблемами. Сейчас у нас ведется политика трехязычия: русский язык, казахский и, в обязательном порядке, иностранный язык. Изучение иностранного стало модным явлением, и почти все дети, которые учатся в городских, да и в сельских школах, прекрасно владеют английским языком. Вопросы глобализации, конечно, волнуют нас тоже, поэтому мы очень серьезно относимся к истокам воспитания. На сегодняшнем заседании мы упускаем один момент — это воспитание детей. Мне кажется, недооценена роль семьи, а все-таки семья формирует человека в детские годы. Привить детям знание языка, культуры, истории, которое, в общем-то, у нас сейчас восстанавливается, — это задача не только школы, но и семьи. В Казахстане об этом много говорят и, обращаясь к родителям, заодно воспитывая и их, напоминают: «Воспитывай своих детей».

М. Ш. БОНФЕЛЬД:

— Я тоже хочу в связи с глобализацией затронуть такой вопрос: о какой, собственно, глобализации сейчас идет речь? Если речь идет о глобализации производства, техники, цивилизации, то никто против этого возражать не будет. Речь идет, насколько я понимаю, о глобализации культуры. Но о какой культуре, опять-таки, идет речь? О массо-

вой культуре или о высокой культуре? Да, масскультура действительно подверглась сейчас американизации и глобализации, но ведь высокая культура остается неприкосновенной! Те же самые американцы ни в коем случае не отрицают, что на них подействовали, и в очень большой мере, русский музыкант Стравинский, русский балет, например Баланчин, русский писатель Набоков и так далее. Ведь невозможно представить себе сейчас американскую литературу без русского писателя Владимира Владимировича Набокова, невозможно представить себе американскую поэзию без Иосифа Александровича Бродского. Иными словами, здесь речь идет ни в коем случае не об американизации, а о сохранении и распространении культурных влияний на самом высоком уровне. И мне кажется, что высокой культуре глобализация, в принципе, не угрожает. Сама тенденция глобализации существует и распространяется очень интенсивно. Разумеется, она входит в противоречия с особенностями каждой национальной культуры, особенностями высокой культуры, но это совершенно естественные противоречия. В рамках разрешения этих противоречий и будет развиваться культура в дальнейшем. Главная задача интеллигенции заключается, прежде всего, в том, чтобы развивать и распространять высокую культуру, противопоставляя масскультуре культуру истинную. Помните, Ильф и Петров говорили, что есть большой мир и малый мир, мир малых вещей. Нам надо бороться и драться за этот мир больших вещей, за настоящую культуру, которая никогда, как драгоценный металл, не подвергается коррозии. Высокая культура с глобализацией просто несовместима, хотя возможны взаимные влияния, и эти влияния нужно только приветствовать, потому что они обеспечивают этой культуре высочайший общечеловеческий потенциал. И против этого общечеловеческого потенциала, я думаю, никто возражать не будет. Я тоже отношу себя к таким уверенным историческим оптимистам, хотя, будучи музыкантом и историком, я прекрасно помню, чем кончилась Великая Французская революция. Она тоже кончилась отрезвлением, можно так сказать, преобладанием рыночной экономики. Но постепенно высокая культура смогла заявить о себе и вытаскала человечество из этой культурной проруби, в которой она оказалась где-то примерно в 1815–1820 годах. Пусть наши дети могут обратиться к нам с «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом», но наши внуки и тем более правнуки будут жить в XXI веке —

веке высокой культуры, если только мы сами не уроним это знамя.

Л. И. ЛАЗАРЕВ:

— Я хочу сказать в качестве реплики, что высокая культура продолжает оставаться уделом очень небольшого слоя населения — это показывают социологические исследования. Ни Набокова, ни Баланчина, ни Бродского, ни Нуриева, ни прочих подавляющее большинство американцев не знает, даже не слышало о них.

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— Абсолютно точно, подтверждаю. О них знают только как об иммигрантах.

Ю. А. ВЕСЕЛОВ:

— Уважаемые коллеги, я хотел бы спуститься на грешную Землю. Мы дискутируем в Университете, в котором, прежде всего, обучаются студенты, и ради которых, в общем-то, вся дискуссия сегодня у нас и проводится, и продолжится завтра. Потому что наша главная задача — передать подрастающему поколению весь тот потенциал знаний, умений, навыков, которым мы обладаем как преподаватели и как опытные, взрослые люди. Я хочу сказать одну вещь, может быть, не совсем приятную для нас, уже взрослых, пожилых людей. Говоря о современной молодежи, нужно, наверное, напомнить о том, что это совершенно отличное от нашего поколение, которое выросло в абсолютно другой исторической, политической, моральной обстановке, которое имеет свои ценности, свои мотивации, зачастую нам не совсем понятные. Мы сегодня вернулись к обсуждению классических вопросов, которые всегда были и всегда будут актуальными, — это проблемы отцов и детей, волков и овец, физиков и лириков. Иногда я не понимаю эту молодежь, но я с ней работаю, потому что хочу ее понять. Привожу такой пример: в Институте международных трудовых и социальных отношений, где я преподаю, изучается шесть языков, а учатся ребята 19 национальностей. Выбор языка осуществляет сам студент на первом курсе. В прошлом году в группу по изучению белорусского языка записались 2 студента из 600 первокурсников, в группы с английским языком записалось 99%, в группы со вторым языком (а у нас два обязательных иностранных языка) записалось в среднем человек по 80: испанский, немецкий, французский, польский языки.

Когда начинаешь анкетировать первокурсников и анализировать их ответы, оторопь берет, какими критериями они руководствовались при выборе. Откуда они их взяли — из жизни или от родителей? Почему они этот второй язык выбрали для изучения? О первом языке — английском, все без исключения отвечают: «Это язык Интернета, язык межнационального общения, без него жить нельзя». Я понимаю, что они действительно входят в новую глобальную экономику, вступают в интернациональные связи. Беларусь исторически стоит на перекрестке всех дорог. Если раньше с запада на восток и с востока на запад ходили захватчики и поработители, то сейчас процветают торговля, туризм. Поэтому выбор этого языка понятен. Начинаешь разбираться, почему выбирается, допустим, испанский язык, и те же самые ребята отвечают: «Мы поступили на отделение менеджмента по туризму. Мы хотим развивать туристическую отрасль и, следовательно, опыт Испании для нас, с точки зрения будущей практики, стажировки, изучения опыта и даже возможного трудоустройства, наиболее интересен». Есть вещи, которые невозможно объяснить сегодня с классических позиций, с которых мы с вами пытаемся здесь дискутировать и рассуждать. Молодое поколение понять очень сложно. Когда анкетировешь первокурсника, на вопрос: «Почему ты поступил в наш институт?», бывают просто умопомрачительные ответы: «Потому что у вас единственный институт города Минска, у которого есть автостоянка, а я хочу ездить в институт на своем автомобиле». Ну, что здесь можно сказать? Это мировоззрение нужно или критиковать, или воспринимать таким, как оно есть. Это нормальный человек, он прекрасно учится, но у него такой критерий выбора. А почему его надо критиковать? Нормальная позиция. Они замечательные ребята. Видели, какие глаза сегодня были у студентов во время выступления уважаемого академика Костомарова? Мне показалось, что в зале стало в десять раз светлее оттого, что глаза заблестели у молодых ребят. С какой благодарностью они воспринимают это слово! Возможность быть услышанными зависит от неординарности преподавателей, которые любой предмет преподнести с нетрадиционной точки зрения. Я полностью согласен со своими коллегами, что глобализация гуманитарной культуры в XXI веке неизбежна. Поэтому я всегда пытаюсь понять молодое поколение, ведь если я не буду его понимать, то стану как преподаватель, как менеджер института, как ректор, в конце кон-

цов, ему неинтересен. Почему профессор Запесоцкий интересен своим студентам, почему они так его любят? Наверное, многие из вас не задумывались над этим. А потому, что как педагог, как руководитель он проявляет себя современным молодым человеком, который по всем критериям подходит нынешнему молодому поколению, поэтому они к нему так и относятся.

Е. А. БАЛАЛЫКИНА:

— Для того чтобы XXI век действительно стал веком гуманитарной культуры, нужно обеспечить взаимное развитие национальных культур. Моя жизнь сложилась так, что я всегда жила в национальных республиках: первая часть моей жизни прошла в Литве, вторая — в Казахстане. Поэтому я очень хорошо представляю себе проблемы, связанные с межнациональными отношениями, с развитием национальных культур. На вопрос, заданный Путиным во время конгресса татар в Татарстане: «Легко ли быть русским в Татарии?», я скажу, что русским в национальных республиках быть не так просто. Прежде всего, потому, что он должен быть очень внимателен к проявлениям местной культуры, местного менталитета. Люди, приезжающие к нам в Казань, меня часто спрашивают: «Скажите, а вот как у татар принято делать в этом или в этом случае, каковы их основные национальные особенности?» Правильно, для того чтобы добиться взаимопонимания, нужно обязательно уважать «чужой монастырь». В этом отношении русскому труднее жить в национальной республике, чем в любом другом регионе России. Надо сказать, что ажиотаж вокруг свободы, суверенитета привел к всплеску национализма, — вы, наверное, обратили на это внимание. В этой ситуации русских обвиняли во всех грехах: они-де и оккупанты, и русский язык навязывают, и прочее. Мы должны были принять первый удар на себя и вести себя достойно, чтобы не провоцировать подобного рода обвинений. Мы стремимся к взаимному пониманию на уровне культур, языка, традиций. В связи с оживлением религиозного сознания постоянно идет сопоставление Корана и Библии. Мы не можем игнорировать национальных татарских праздников, и Сабантуй признан ЮНЕСКО. Удивительный праздник! Почему? Не только потому, что в нем участвуют татары, а потому, что его уже русские принимают как свой праздник. С другой стороны, религиозный праздник Пасхи также уважается татарами с точки зрения национальной тра-

диции. Нужно стремиться к равновесию между национальностями, уважать традиции тех людей, которые находятся рядом, считаться с их особенностями. Конечно, этому должны всячески способствовать именно русские, поскольку мы — самая большая нация на территории Российской Федерации, и язык у нас мировой, и великая культура, и в области научно-технического прогресса мы не на последнем месте. В то же время, делать это нужно ненавязчиво, деликатно, как это свойственно русским в национальных вопросах. А неделикатность, неспособность к компромиссам обязательно приведет к национальному взаимонепониманию. Если у нас стоит памятник Пушкину, а с другой стороны — памятник Тукаю, то мы уважаем национальные чувства татар, которые считают, что Тукай — это все равно что наш Пушкин. Раз мы там живем, мы должны их уважать, потому что иначе мы не добьемся уважения от них. Будущее нашей многонациональной страны я вижу в том, чтобы добиваться этого взаимного уважения, взаимопонимания и толерантности. У нас в Казани есть небольшая польская диаспора. Мы открыли школу с польским языком, потому что поляки хотят изучать свой национальный язык, свою культуру; открыли костел — это тоже проявление толерантности. Есть чувашские школы, мордовские. Поэтому представители этих малочисленных народностей смотрят на нас как на людей, которые в состоянии их понять и помочь. В Татарии был принят Закон о языках, который не устроил представителей русского населения. Деликатно, постепенно, шаг за шагом мы изменили ситуацию, и теперь у нас принята региональная программа «Русский язык в Татарстане» и впервые создан Координационный совет по русскому языку. Это очень большое достижение. Как сказал профессор Костомаров, культура человека проявляется в том, чтобы понимать того, кто с тобой рядом, и уважать его традиции.

Л. И. ЛАЗАРЕВ:

— Я хочу защитить выступление Маритты Чудаковой, хочу защитить саму постановку вопроса, памятуя о выступлении Дмитрия Сергеевича Лихачева в Институте мировой литературы, где он очень резко говорил о том, что если мы не будем изучать историю во всей полноте, ничего хорошего нас не ждет в будущем. Такая постановка вопроса является единственно правильной, иначе мы будем топтаться на месте и рассуждать, что у американцев вся культура

абсолютно плохая: и Фолкнер, и Марк Твен, и Хемингуэй. А эти девичьи «Тату» — просто олицетворение русского народного характера. Это же чудовищный путь к уничтожению культуры, где все критерии смешаны. Значит, наша главная задача — растоптать Америку. А откуда мы взяли, что ее культура недостойна высокой оценки, а русская культура замечательна? Нет у нас основания для таких утверждений.

Я согласен с выступавшим здесь оратором: если речь идет о настоящей культуре, о настоящей литературе, то, конечно, дело не в Бродском и не в Набокове, а дело в том, что и Лев Толстой, и Достоевский, и Тургенев влияли на американскую культуру так же, как Фолкнер и Хемингуэй — на русскую, и бессмысленно закрывать на это глаза. Я призываю к реальному, твердому подходу, к тому, чтобы уровень гуманитарных наук и просвещения возрастал, иначе мы никуда не двинемся. Кстати, спор этот начался лет 40 тому назад. Если вы помните, была знаменитая полемика Эренбурга с Цветаевым, затем были стихи Бориса Слуцкого «Что-то лирики в загоне, что-то физики в почете». Тогда технократическая проблема встала с большой остротой, и сейчас мы столкнулись с нею снова.

В. А. МАРТЫНОВ:

— Сейчас очень важно определить место и роль системы образования в том процессе, который переживает все человеческое сообщество. Под влиянием глобализации и в результате успехов научно-технического прогресса, прежде всего в области информатики, сложились совершенно уникальные возможности для развития и взаимодействия всех членов общества. Именно перед образованием сейчас ставится задача подготовки кадров, способных осуществить эти качественные изменения. Если страна рассчитывает стать мировой, или по крайней мере крупной державой, то она должна уделить большое внимание подготовке интеллектуального капитала. Только интеллектуальный капитал может привести к повышению конкурентоспособности любой страны и вывести ее на новый рубеж. Но смысл глобализации прежде всего в сотрудничестве между национальными системами образования, обмену и профессорами, и студентами.

Конечно, требования к специалистам сейчас совершенно иные, и поэтому вся система образования должна претерпеть изменения, направленные прежде всего на подготовку людей, способных совершенствовать свою

квалификацию, а также в случае необходимости быстро переучиваться.

Экономисты относят образование к сфере услуг. Сейчас на сферу услуг во всех странах, а в передовых тем более приходится большая часть производства ВВП. Не промышленность, не сельское хозяйство, а именно сфера услуг становится главной в экономике, включая, естественно, и образование, и здравоохранение — важнейшие и наиболее перспективно развивающиеся ее отрасли. Отмечу, что расширение частного предпринимательства в образовании, здравоохранении и культуре становится одним из самых важных факторов их развития. Тем не менее государственная роль в этой области никак не уменьшается в связи с ее коммерциализацией, а, наоборот, увеличивается.

Новая система образования нам необходима, если мы действительно хотим выйти на новые рубежи и решать стратегические задачи увеличения национального дохода и повышения жизненного уровня населения, но здесь принципиально важен реалистический, прагматический подход.

Н. Д. НИКАНДРОВ:

— Осталось подвести некоторые итоги. Итог один: однозначного ответа — да или нет — мы сегодня не получили. Есть сомнения, есть надежды, прозвучали как сугубо оптимистические, так и резко пессимистические выступления. Конечно, я не рассчитывал, что мы дадим ответы на все вопросы, однако некоторых из шести намеченных тем мы не коснулись вообще. В основном, все выступающие, так или иначе, касались проблемы глобализации, и здесь сказались мудрость составителя, поставившая этот вопрос на первое место. Это естественно: когда государство приобретает экономическую мощь, оно обязательно будет пытаться эту экономическую мощь дополнить политической, начнет проводить свою линию в других государствах, пытаться навязать свой язык любыми способами. Тут поднимался вопрос в отношении английского языка, американской культуры. Я не могу сказать, что превосходно знаю американскую литературу, но вот американцев я знаю и очень боюсь. Я могу точно сказать, что очень многие из них вообще не слышали о Марке Твене, не говоря уже о Фолкнере. Английский — это не просто язык Интернета. На его повсеместное распространение направлены усилия американского государства и правительства. Это факт. Я вам приведу такой пример. Я посетил Америку вскоре после взрыва и вот в

чем убедился: было принято определенное решение на правительственном уровне, как освещать в школах этот вопрос, и с этих пор он освещался только таким образом. Я не знаю, можно ли говорить о том, что это был какой-то агитпроп, но совершенно точно, что там нет той абсолютной свободы, о которой мы привыкли думать в связи с Америкой. Как было сказано одним мудрым американцем: «Ваша свобода махать кулаками ограничена кончиком моего носа». Как только затрагиваются существенные вопросы, от свободы не остается ничего. А так — ради Бога, поговорим. Помните, у нас был анекдот, что лучше — американская демократия или советская: американец может прийти в Белый дом и сказать американскому президенту, что он дурак. И я могу прийти на Красную площадь и сказать, что американский президент — дурак. Понимаете? Но тут поднимался более интересный вопрос насчет примитивной американской культуры и высокой культуры. Высокая культура — это действительно драгоценность, которая не подвержена разрушению. Но так же, как золота в мире меньше, чем других благородных металлов, территория распространения культуры все время сжимается, как шагреновая кожа. Конечно, всегда останутся люди, которые будут любить ее и служить только ей, но то, что существует тенденция к падению ценности высокой культуры — это бесспорно. И вот тут-то как раз я вижу положительную роль интеллигенции.

Прозвучала мысль, что мы не понимаем молодежь. Однажды я читал лекцию в Нижневартонске, в очень интересной аудитории, для своеобразных ребят. Зашел вопрос о культуре, о музыке. А у меня всегда с собой музыкальные записи. Кроме того, я знаю наизусть, наверное, больше американских песен, чем все наши поп-певцы, вместе взятые, просто я не могу их так хорошо исполнить. Я попытался им показать то, что сам люблю, — дал послушать музыку, которую сейчас не играют по радио. Они говорят: «Это нам нравится больше. Где же это можно услышать?» Так что не стоит их огульно критиковать — во многом их культура зависит от того, что мы им даем и как успешно это пропагандируем. Конечно, если следовать только тому, что они слышат по радио и телевидению, то, в основном, они будут знать не самые лучшие образцы культуры — как русской, так и американской. Нужно стараться делать хотя бы то немногое, что мы можем, будучи преподавателями высшей школы. Конечно, говорить о том, что вся американская культура примитивна, не стоит, но ве-

ликой культуры там тоже нет, это точно. В музыкальном отношении я могу сказать это абсолютно определенно. Я безумно люблю американский джаз, но у них нет Чайковского, нет Бетховена. На празднике американского Дня независимости был концерт, из двенадцати произведений там было исполнено три американских вещи, семь были русские и две — западноевропейские. Вот их оценка собственной музыкальной культуры. Хотя, конечно, можно к этому относиться и как к знаку уважения. Я владею английским и прекрасно понимаю, что именно за ним будущее в ряде областей. Я так же хорошо владею и немецким, и французским, но прекрасно понимаю, что читать лекции по-итальянски никому не придет в голову, только если ради украшения. Поэтому, когда для изучения выбирают английский, они правильно делают, это прагматичный подход. Мы можем только пытаться влиять на то, чтобы не все выбирали английский, пусть некоторые, очень немногие, выбрали бы и пропагандировали французскую культуру, которая, несомненно, выше американской, немецкую культуру, которая выше их обеих по значению своих культурных памятников.

Пару выступлений, прозвучавших здесь, можно назвать гимном советской власти. Кстати, я, в отличие от госпожи Чудаковой, считаю, что мы правильно сделали, что оставили Гимн Советского Союза. Немножко выходя за пределы сообщения, я напому вам один исторический факт. У немцев был гимн, в котором звучали такие слова: «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt» — «Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире». Ничего плохого, мне кажется, в этих словах нет, но для немцев этот текст был слишком тесно связан с Гитлером, хотя он сочинен за 80 лет до прихода Гитлера, а музыка еще раньше. Что они сделали? Они взяли другие слова из той же песни, а мелодию сохранили: «Einigkeit und Recht und Freiheit für das deutsche Vaterland!» — «Единство, право и свобода для немецкого Отечества», и все стало хорошо. Мелодия та же, чуть-чуть изменили слова. Почему немцам можно, а нам нельзя? Мне нравится Гимн Советского Союза, который теперь, с измененными словами, является Гимном России.

Но дело, конечно, говорю не в гимне. Гимн советской власти... Да, в ту эпоху произошли действительно огромные социальные завоевания, такие, которые вынуждены были дать своим народам капиталисты по нашему примеру. Много появилось у них после того, как это появилось у нас. Но мы должны прекрасно помнить и Сталина с его страшными, ничем не оправданными репрессиями. Мы должны помнить, что сторон-то у советской власти много. Действительно, мы должны с благодарностью вспомнить, что окончили бесплатные вузы, получили высококачественное образование. Но нужно помнить и о том, что не должно повториться, а некоторые вещи мы должны просто помнить. Здесь прозвучало слово «гедонизм», я в нем ничего плохого не вижу. Не все то, что было уделом русских святых, мы должны перенести на массы. Я не был в публичном доме, но посетил несколько ленинградских казино, был и во многих московских, даже французских, и не вижу в этом ничего страшного. Лишь бы это были деньги, которые заработаны честным способом. Есть высокая культура, а есть культура развлечений, которая тоже имеет право на жизнь. Я хотел сказать простую вещь: не надо бояться гедонизма, помня, что кроме него существуют и другие вещи. В молодости человек стремится прочувствовать жизнь во всей ее полноте, познать ее радости, прелести. Да и потом, чем дольше он сохранит такое отношение к жизни, тем лучше. Другое дело, что молодежь должна знать, а мы должны помочь ей познать, что такой подход далеко не исчерпывает смысла жизни. Главное — не забывать об этом. Дмитрий Сергеевич Лихачев стал для нас поводом для того, чтобы собраться здесь и поговорить об этом великом человеке и о том, что им сделано, а также о многих современных проблемах. Я хотел бы сказать, что Лихачев нас научил и научит еще многих, будучи уже не с нами, ценить российскую культуру, русский язык, понимать, что российская культура занимает великое место в мировой культуре. Он научил очень многих высокой моральности, — не морали как системе писанных норм, а моральности и нравственности. Я думаю, что это и есть его вечный памятник.